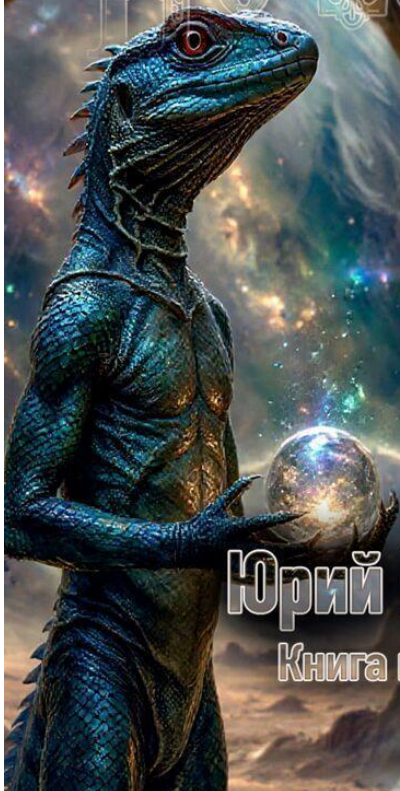

18+

Не такой не локон

Юрий Юрьев
Книга вторая

Юрий Юрьев

Не такой. Книга вторая

<https://litres.ru/72532255>

ISBN 9785006809017

Аннотация

Жизнь в специнтернате оказалась не такой страшной, как я предполагал ранее. У меня появилось много новых интересных знакомых, ведь в интернате жили не только дети с необычными способностями, но так же пришелец из прошлого и даже один настоящий инопланетянин. И всё бы было нормально, если бы не появление таинственного облачка, которое явно за кем-то наблюдало и не загадочная гибель от неизвестной болезни нескольких ребят. Что всё это означает, мне и предстояло выяснить, как можно быстрее.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	35
Глава 4	46
Глава 5	53
Глава 6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Не такой Книга вторая

Юрий Харлампиевич
Юрьев

*Все герои и персонажи книги выдуманы
автором, всякое совпадение имён или фамилий,
является случайным*

Дизайнер обложки Анна Александровна Скрипаль

© Юрий Харлампиевич Юрьев, 2026

© Анна Александровна Скрипаль, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0068-0901-7 (т. 2)

ISBN 978-5-0067-0447-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава 1

Более нелепой и бредовой ситуации трудно было себе даже представить. Я сидел в кресле профессора Здравомыслова, свесив маленькие ножки, а он сам нервно расхаживал по кабинету, время от времени запуская обе пятерни в свою седую шевелюру. Весь же абсурд происходящего состоял в том, что в соседнем кресле сидел тоже я — Пересвет Владиславович Драгин, только в возрасте тридцати шести лет.

— Владимир Владимирович, — пискнул я голоском трёхлетнего ребёнка, — так, может, вы всё-таки объясните, как же так, вот, получилось?

Сказать, что я был шокирован тем, что произошло, это ровным счётом, ничего не сказать. Я пытался проанализировать причину, но ничего более-менее разумного в голову не приходило. Вопрос, каким таким образом меня вместе с телом забросило назад в будущее, оставался без ответа. Я прекрасно помнил, как лёг спать в свою кровать и почти сразу уснул. Прошедший день также был вполне заурядным и во все не предвещающим каких-либо изменений в моей жизни. Проснулся же я вскоре от громких мужских голосов. Голоса мне показались знакомыми, а когда я понял, кому они

принадлежат, то вскочил, как ошпаренный, и чуть было не свалился с высокого — для моего трёхлетнего возраста — кресла. От смятения, возникшего в моей голове, я даже не придал никакого значения тому, что лежу не в кровати, а на кресле.

— Кто ты, малыш? — ласково произнёс профессор Здравомыслов. Увидев, что я проснулся, он прервал разговор со своим собеседником. — Как ты сюда попал?

— Блин горелый, — ругнулся я, тщетно пытаюсь восстановить участвовавшее сердцебиение. В висках тоже стучало и пульсировало, а эхо этой пульсации отдавалось где-то в глубине головы болезненной рябью. — Это я хотел бы у вас узнать: как и почему я сюда попал?

— Ничего не понимаю, — удивлённо развёл руками Владимир Владимирович.

Некоторое время он пристально всматривался в моё лицо, потом перевёл взгляд на мужчину, с которым пару минут назад вёл оживлённую беседу. Я же уставился на профессора, не в силах повернуть голову вправо. Страх сковал моё тело, страх увидеть этого собеседника. Казалось, что стоит мне на него взглянуть, и весь мир тут же рухнет, разлетится на мелкие осколки. Здравомыслова, который, конечно же, не смог признать во мне своего ученика, видимо, удивило не только появление неизвестного ребёнка в его кабинете, но больше его чёткая и осмысленная речь, не присущая малышу такого возраста. Даже в этом развитом мире всему было

своё время и свои границы, и это обстоятельство ещё более усугубило замешательство профессора. Не скрою, что я бы и сам, наверное, был бы немало удивлён, если бы в моей квартире внезапно появился незнакомый малыш, да ещё такой вот говорливый. На мгновение представив, как бы на такое явление отреагировала моя баба Матрёна, я улыбнулся. Без упоминания чертей и прочей нечистой силы там бы не обошлось. Но улыбка на моём лице длилась не более нескольких мгновений. Я быстро вернулся в реальность и ещё более погрузился в осознание произошедшего со мной события. Моё сердце отреагировало по-своему. Оно вновь встрепенулось, будто застоявшийся конь, получивший неожиданный удар плетью по спине.

— Я Пересвет! — взволнованным детским голосом заявил я.

— Вот, пожалуйста, — миролюбиво улыбаясь, произнёс Здравомыслов, вновь обращаясь к собеседнику, — у нас появился ещё один Пересвет. — И где же твои родители? — профессор перевёл взгляд в мою сторону. Теперь его взгляд был снисходительно-благодушным. Так, наверное, смотрят либо на умалишённых, либо на очень маленьких, совсем ещё несмышлёных детей.

— Я Пересвет Владиславович Драгин, — уже более уверенно повторил я, глядя прямо в глаза Владимира Владимировича.

Безмятежное и добродушное лицо профессора вдруг на-

чало меняться на глазах. Я понял, что до него, наконец-то, тоже начала доходить суть происходящего в его кабинете со-бытия.

— Ты сказал: Дра-гин?! — чуть заикаясь, произнёс Здравомыслов, и я заметил, как на его лбу вдруг выступили мелкие бисеринки пота. Ещё через несколько секунд он вдруг вскочил со своего места и начал метаться по кабинету из стороны в сторону. — Не может быть! Не может быть, — твердил профессор, бросая напряжённые взгляды то на меня, то на человека, сидевшего вне поля моего зрения.

Я выждал некоторое время, дожидаясь пока в сознании Здравомыслова уляжется информация, полученная от меня, а потом задал самый волнующий меня в этой ситуации вопрос:

— Владимир Владимирович, так, может, вы всё-таки объясните, как так получилось? — наконец решившись, я медленно повернул голову в сторону второго мужчины, находившегося в кабинете, и увидел себя взрослого. Взрослый Пересвет смотрел на меня не менее удивлёнными глазами, чем и сам профессор. — Почему вместо сознания, как вы обещали, сюда вернулось и моё тело?

— Пе-ре-свет... — остановившись и словно не слыша моего вопроса, задумчиво пробормотал Здравомыслов. — Но... но я ничего не пойму... Я ведь всё правильно рассчитал. Все мои формулы проверялись по многу раз и получали одобрение от высших цивилизаций, курирующих наш про-

ект.

— И тем не менее, уважаемый учитель, я здесь!

— Да-да, тем не менее ты здесь, — словно эхо, повторил Владимир Владимирович.

Взрослый Пересвет продолжал молча наблюдать за мной и профессором. Было видно, что он обескуражен не меньше, а то и больше самого руководителя лаборатории.

— Ну и что мне теперь прикажете делать? — спросил я уже с меньшим напором, так как и сам понимал, что от того, что я буду выплёскивать из себя негатив, ничего не изменится. В данный момент самым правильным было бы срочно предпринять какие-то шаги, чтобы найти выход из сложившейся ситуации. Больше всего я опасался, что моё сознание объединится с сознанием меня взрослого. Что тогда может произойти, одному Богу известно. Когда-то в древности существовали же такие психические отклонения, которые назывались раздвоение личности. Только в том случае один индивидуум ощущал в себе присутствие двух личностей, то есть двух сознаний. Но вот, чтобы у двух личностей было одно сознание, такого я ещё не встречал. Было ясно одно — ничего хорошего эта ситуация не сулит.

— Подожди, Пересвет, не торопи, не торопи... — обратился ко мне профессор. — Надо всё тщательно обдумать и взвесить. У меня от волнения сейчас даже связь с Ноосферой теряется. Нужно немного прийти в себя, всё тщательно обдумать и уже со свежей головой принимать решения.

— Владимир Владимирович, а может мне его усыновить?
— вдруг отозвался до сих пор молчавший Пересвет старший.

В глазах профессора на миг вспыхнул огонёк заинтересованности, а я, не стесняясь, вновь повернулся в его сторону и покрутил пальцем у виска.

— Нет-нет, — возразил Здравомыслов, — его же будут искать в интернете... Его нужно как можно быстрее вернуть назад.

— Так мы их как-нибудь предупредим, — продолжал настаивать старший Пересвет. — Раз уж вернулся, то и пусть живёт здесь.

Я с сомнением поглядывал то на одного взрослого, то на другого, и оба решения мне почему-то не нравились. Неизвестно ещё, чем может обернуться эксперимент по возвращению меня назад в прошлое, но ещё более глупым и несуразным в данной ситуации мне представлялось предложение Драгина старшего усыновить самого себя.

— Нет-нет, — Здравомыслов вновь запустил обе ладони себе в волосы, как обычно это делал в моменты большой мыслительной нагрузки. — Там всё равно будут волноваться. Нужно думать, нужно что-то придумать...

— А как ты собираешься предупредить там обо мне? — посетила меня здравая мысль, и я перевёл взгляд на себя старшего. — У тебя что, есть с прошлым какая-то связь?

— О чём спор? Давайте я им всё и объясню, — за оживлённой беседой мы не услышали, как в комнату вошёл быв-

ший ученик профессора, Фёдор Бескровный или, как я его прозвал — Серый Маг.

— Фёдор? — изумился Владимир Владимирович. — Как ты сюда попал?

— Ты? — ещё более своего учителя удивился я, увидев, что маг, в отличие от меня, вполне благополучно вернулся из прошлого, оставив тело Лидочки где-то там в том времени.

Бескровный с ухмылкой посмотрел в мою сторону и сказал:

— Видишь, Витёк, теперь вот тебе не сvezло.

— Но почему так?! Почему? — с досады выкрикнул я, стукнув своим маленьким кулачком по боковине кресла, и... проснулся.

В спальне интерната, освещённой только блеклым ночником синего цвета, висевшим на стене, было тихо, если не считать сопения Гришани. Я ощутил, как по моему лбу стекает струйка холодного пота.

— Цего кличис? — услышал с соседней кровати сонный голос Лидочки. — Спать не даёс.

Она повернулась ко мне спиной и с головой укрылась одеялом. Несмотря на то, что в помещении было тепло, нам выделили тёплые ватные одеяла и на ночь одевали в мягкие фланелевые пижамы.

Дверь в комнату приоткрылась и сквозь прикрытые во время веки, я увидел сонное лицо нашей интернатовской нянечки Раисы Ивановны, женщины строгой и дотошной. Убе-

дившись, что у нас всё в порядке, она тихонько удалилась. В воцарившейся вновь тишине я высунул руку из-под одеяла и рукавом пижамы вытер со лба пот. Хорошо, что освещение было тусклым, и Раиса не обратила на мой взмокший лоб внимания, а то вполне могла бы поднять шум, предположив, что у меня температура. Разбудила бы врача, а та потом полночи мучила бы меня своими расспросами да анализами. Ко всем воспитанникам здесь относились с особым вниманием, неустанно бдя за нашим здоровьем и самочувствием. И вообще, жизнь в интернате, куда нас с Лидочкой поселили после того, как нам исполнилось по четыре года, очень сильно отличалась от жизни в семье. Здесь почти все двадцать четыре часа мы находились под пристальным наблюдением и контролем нянечек, воспитателей, учителей, кураторов... Из личной жизни у нас оставалось только время сна и время посещения туалета, и то, если вслед за тобой не устремлялась вездесущая Раиса. Даже в свободное от всех занятий время за нами кто-нибудь да присматривал.

Интернат располагался в небольшом лесочке в нескольких километрах от города. Это было длинное одноэтажное здание с зарешёченными окнами и множеством, разных по величине, комнат для детей, воспитателей, охраны и, конечно, с пищеблоком. Там нам повариха Тамара Юрьевна, добродушная полненькая тётенька в высоком белом колпаке на голове, которой очень подходила её фамилия Галушко, готовила, практически, домашнюю, очень вкусную еду. По пе-

риметру здание было окружено высоким каменным забором с металлическими воротами. У въезда на территорию интерната стоял маленький кирпичный домик, в котором постоянно дежурили по два сменяющихся часовых. Объект принадлежал ведомству КГБ и работали здесь только сотрудники этой структуры, кроме разве что поварихи да нашей нянечки Раисы, хотя, возможно, и они имели какие-то звания.

Всего в интернате, если считать вместе со мной, проживало восемь мальчишек разного возраста и одна девчонка — Лидочка. Я ещё не успел достаточно хорошо познакомиться со всеми обитателями этого заведения, так как наша троица была самой младшей из всех. Жили мы отдельно и не очень часто пересекались с остальными более взрослыми жителями интерната. Во-первых, малыши им были не интересны, поэтому до нас им не было никакого дела, а во-вторых, строгие правила этого заведения запрещали свободное бесконтрольное брожение жильцов по комнатам.

Единственными кто нами хоть как-то интересовался были: семилетний Порфирий Демидов, который якобы «провалился» в этот мир из прошлого столетия, да Истел — мальчишка лет десяти, не имеющий ни фамилии ни отчества, так как попал на Землю, опять же по слухам, из какой-то далёкой Галактики через спонтанно открывшийся портал. Порфирий или, как его здесь все звали, — Фира, был сбитым крепким мальчуганом, замкнутым и немногословным по характеру. Несмотря на то, что здесь его переодели в обычную рубашку

и брюки, всё равно он выглядел как-то простовато, по-деревенски. Круглое лицо с множеством веснушек вокруг носа, напоминающего картофелину, недоверчивый взгляд исподлобья, угловатые замедленные движения, скудная по содержанию речь... Всё в его облике говорило о том, что в своей, теперь уже прошлой, жизни он жил в обычной крестьянской семье. Иногда Фира, смущаясь и краснея, пытался с кем-нибудь из нас заговорить. Делал он это, видимо, потому, что мы просто были ему ближе по возрасту, а не ради того, чтобы завязать дружбу. Все остальные ребята были постарше, и к ним, я заметил, мальчишка относился с некоторой опаской, особенно если учесть то, что каждый из них обладал какой-либо сверхспособностью. Это его пугало и настораживало, так как ассоциировалось в его голове с колдовством.

Истел был полной противоположностью Порфирию. Высокий, худощавый, всегда с бледным, будто обескровленным лицом, он был очень любознательным и интересовался буквально всем, что попадало в поле его зрения. Своими длинными тонкими пальцами мальчишка постоянно что-то щупал, а его речь была настолько быстра, что когда он говорил, то казалось, будто слова пытаются угнаться за его молниеносными мыслями. Несмотря на то, что голос мальчишки был довольно приятным, нам иногда трудно было понять, что же он говорит. Когда Истел останавливал на ком-нибудь из нашей троицы свой цепкий внимательный взгляд светло-серых до белизны глаз, то мне казалось, что он пытается

просканировать не только наши тела, но и мозги. Я, конечно, этого делать никому не позволял, да и у Лидочки была защита не менее мощная. Что инопланетянин увидел у Гришани, мне было, в общем-то, неинтересно.

Как я уже сказал, только эти двое мальчишек изредка в столовой пытались завязать с нами разговор и оказывали, особенно Лидочке, небольшие знаки внимания. Больше всего в этом преуспевал Истел. Проходя мимо нашего столика, он подмигивал девчонке и совал ей в руку то конфетку, то пряник, которые, наверно, брал из того, чем угощали его. Такие подарки, которыми Лидочка не делилась ни с кем, усиливали в Гришане чувства зависти и злости, хотя, нужно отдать ему должное, он усердно старался это скрывать. Он пыхтел и сопел, ковыряясь в своей тарелке, но к концу трапезы остывал и, казалось, забывал про свои недавно нахлынувшие чувства.

Вообще, со всеми ребятами, проживающими в интернате, мы виделись только лишь когда посещали столовую или же могли встретиться с кем-нибудь из них в туалете. Очень редко мы попадали и в так называемый красный уголок, большую комнату для проведения массовых мероприятий, где стоял телевизор. Нас водили туда лишь на просмотр мультфильмов, в то время как остальные посещали её практически ежедневно, чтобы посмотреть интересный фильм и послушать дневной выпуск новостей. Как я понимаю, здесь особое место уделялось внедрению в сознание питомцев

коммунистической морали и политики партии. Из нас старались вырастить истинных ленинцев и ярых приверженцев делу коммунизма.

В остальное время, кроме того, что называлось «личным» и было отведено для отдыха и прочих необходимых дел, каждый занимался по своей индивидуальной программе и жил в своей отдельной комнате. Мы, как самые маленькие, жили втроём в одной небольшой комнатухе, в которой помещались лишь три кровати, три тумбочки и три табуретки. Всё остальное необходимое для жизни и обучения находилось в двух смежных комнатах. В них стояли шкафы с одеждой, столы, табуретки и прочая мелочь для занятий и творчества. Только у нас троих была нянечка Раиса Ивановна — невысокого роста женщина лет двадцати пяти, курносая и подвижная, не ведающая, что такое усталость, она мне напоминала актрису Надежду Румянцеву, которая снялась в популярной в эти годы комедии «Девчата», этот фильм очень любила моя мать. Вот только взгляд у нянечки был пронзительный и строгий. Когда Раиса Ивановна смотрела в нашу сторону, то казалось, что она читает все наши мысли и видит нас насквозь. Конечно, так казалось только со стороны. Возможно, нянечка и имела какую-то подготовку, а скорее всего, даже училась на психолога или что-то типа того, но умением читать мысли кроме меня и Лидочки здесь не обладал никто.

Насколько я смог узнать за несколько месяцев пребывания

ния в интернате, каждый из его питомцев имел какой-либо один единственный дар, во всяком случае пока. Например, Володя Изотов, с которым я был уже немного знаком, потому что его приводили в наш садик, мог усилием мысли двигать предметы. Он, постоянно совершенствуя свои способности, уже достиг хороших результатов, вот только я не мог понять, куда и для чего можно применить его дар. Девятилетний Саша Кононов обладал даром пирокинеза и мог взглядом поджигать предметы. Но если я делал то же самое на любом расстоянии, даже если не видел объект, лишь представив его в мыслях, то он мог воспламенить только то, что находилось непосредственно в поле его зрения. Антон Пономарёв, которому было лет около восьми, обладал гипнозом. Для организации, к которой теперь мы все принадлежали, это был, наверное, самый ценный кадр, и за Антошу специалисты из КГБ вцепились мёртвой хваткой. Пожалуй, он был самым привилегированным из всех нас, и если лично мне было всё равно, ведь я и так знал, что уже сейчас умею гораздо больше, чем все здесь взятые мальчишки, то Лидочку, а точнее мага, который жил в теле девчонки, это раздражало и даже иногда злило. Мы с ней по-прежнему скрывали свои возможности, но маг, видимо, был человеком очень амбициозным и завистливым. Не имея возможности проявить свою силу, Лидочку просто бесило и сильно задевало самолюбие, что какого-то «никчёмного» мальчишку превозносят и боготворят больше, чем её.

Как-то раз, сидя на своих ежедневных занятиях и выполняя не очень сложные задания по математике (а мы с Лидочкой договорились не демонстрировать больших успехов, а подстраивать свои достижения под Гришаню), мы услышали какой-то шум. Все учебные классы в интернате располагались рядом, и за соседней стеной как раз и занимался гипнотизёр Антоша Пономарёв. Наш преподаватель Олег Иванович, а нужно сказать, что здесь все преподаватели были мужчинами, вышел посмотреть, что там произошло. Вернувшись назад, он, естественно, ничего нам не рассказал, а движуха, пока всё не утихло, продолжалась ещё минут десять. Вечером, когда мы с Лидочкой остались в спальне одни, уши трёхлетнего Гришани мы в расчёт пока не брали, девчонка со злорадной улыбочкой поведала, что же сегодня днём произошло в соседнем классе.

— А пусть не зазнаётся, — сказала она, словно сама себе, энергично взбивая кулачками свою подушку. — А то куда там, гипнотизёр хренов.

— Ты это о чём? — я, уже улёгшись в свою кровать, сразу не понял о чём речь.

— Не о чём, а о ком? — ехидно поправила меня Лидочка. — Да про Антошку этого...

— И что Антоша? — я, уже было погрузившись в свои мысли, всё никак не мог взять в толк, о чём она говорит.

— Ему сегодня на уроке было дано задание ввести человека в краткосрочный сон, а я чуток вмешалась, и его под-

опечный вошёл в кому. Лидочка злорадно ослабилась.

От удивления я даже привстал на кровати и с ужасом посмотрел на свою соседку, а она тем временем, как ни в чём не бывало, продолжала:

— Я же тебе говорила, что у меня мало янской энергии из-за этого долбаного девчачьего тела. Я многое не могу делать, но зато я могу многократно усиливать воздействие, которое производит на своего оппонента другой человек.

— Но зачем ты это сделала? — продолжал недоумевать я.
— И что теперь с тем человеком?

— А чего с ним будет? — беззаботно отмахнулась Лидочка, зевая и поудобнее устраиваясь в своей кровати. — Полежит пару деньков да придёт в себя. Зато Антошка теперь меньше задаваться будет.

Честно сказать, я никогда не замечал, чтобы Антоша Пономарёв зазнавался. Наш Гришаня, несмотря на то, что был гораздо младше, и то больше задира́л нос. Так вот постепенно я познавал тёмную сторону мага, проникшего вслед за мной в этот мир.

Если говорить про сверхспособности, то ребятами безо всяких аномальных проявлений в нашем интернате были: Гришаня, Фира, Истел и Сергей Галсанов — лысый, невысокого роста девятилетний крепыш из Бурятии. Родители этого мальчишки были буддистами. По слухам, они пропали где-то в Гималаях, разыскивая таинственную Шамбалу, а их тогда ещё пятилетнего сына нашли местные жители. Правда,

ходили слухи, что Серёжа во время медитации может левитировать, то есть приподниматься на несколько сантиметров над своим ковриком, но кто из интернатовских это видел, я не знаю. Когда я узнал историю этого мальчишки, мне стало немного грустно. Но не от того, что ребёнок остался сиротой, а потому, что даже верующие люди были подвержены влиянию захлестнувшего планету материализма. Они искали где-то в горах то, что находится и находилось во все времена в непосредственной близости, рядом с каждым человеком. В моей прошлой жизни, то есть в четырёхтысячных годах, ни для кого не является секретом, что Шамбала вовсе не далёкая страна — секретное поселение людей, скрытое где-то в горах. Она является обителью высокоразвитых неземных существ, живущих в параллельном с нами мире. Для того, чтобы попасть в эту страну, нужно нагружать не ноги, исследуя непроходимые горные перевалы, а заниматься со своей головой. Тому, кто провёл много времени в аскезах и освоил медитации высшего уровня, которыми владеют только люди четвёртой варны, то есть волхвы или жрецы, непременно откроется дверь в этот незримый духовный мир. Естественно, что обычный человек туда не попадёт ни при каких условиях.

Кстати, каким образом Сергей вернулся на родину, а главное, зачем его поселили в интернате, я до сих пор не знаю. Возможно, сотрудники секретной организации предполагали, что мальчишка мог что-то видеть или же обладать ещё

пока не проявленными способностями, а потому так же, как и на Гришаню, возлагали какие-то надежды. Так вот, если с Гришаней и Фирой по поводу их сверхспособностей, а точнее отсутствия таковых, мне всё было ясно (Гришаня просто был развитым ребёнком, а Порфирий мог похвастать лишь ничем не значащим перемещением во времени), то Истел пока что оставался для меня, так сказать, тёмной лошадкой. Ну никак я не мог поверить, что человек, прибывший из другой звёздной системы, мало того, что по внешнему виду абсолютно не отличается от жителей Земли, так ещё и не обладает никакими сверхспособностями. Скорее всего, он так же, как и мы с Лидочкой, умело скрывает свои возможности. Вот только с какой целью он это делает, мне очень хотелось бы узнать. Я, конечно, попробовал всё же нарушить своё табу и тайком проникнуть в его голову. Однако и здесь меня постигло разочарование. То ли мои ритмы и частоты мозга очень сильно различаются с ритмами инопланетянина, то ли он так же, как и Лидочка, поставил энергетическую защиту, но у меня ничего с моей затеей не получилось.

Я ещё раз вспомнил свой нелепый сон с участием своего любимого наставника, улыбнулся и, сладко зевнув, повернулся набок. Через десять минут в интернате, кроме дежурного воспитателя, все спали крепким сном. Да и Олег Николаевич Степашин, несущий сегодня ночную вахту, выпив не очень крепкого чайку вприкуску с вкусным вяземским пряником и немного почитав газету, пока глаза не начали сли-

паться, тоже прилёг на жёсткую кушетку и, укрывшись полушубком, заснул чутким сном.

Когда же помещение интерната было объято ночным безмолвием, а в окна, задёрнутые светлыми занавесками, сквозь верхушки деревьев просочился бледный свет полновесной луны, в спальне, где спали трое малышей, появилось еле заметное облачко величиной с большой арбуз. Оно, зависнув на высоте двух метров, то становилось чуть светлее, мерцая холодной, как лунный свет, белизной, то меркло, почти исчезая из виду. Постороннему наблюдателю, если бы таковые вдруг оказались, могло бы показаться, что объект пристально изучает детей, спящих в своих кроватках. Так продолжалось совсем недолго. Через несколько минут облако в очередной раз начало гаснуть, а вскоре совсем исчезло и больше уже не появлялось. Где-то недалеко в лесу треснула на морозе обломившаяся ветка, испуганно прокричала какая-то птица. Зимняя ночь была лунной и безветренной.

— Чтоб тебя... — сонно пробормотал разбуженный лесными звуками Степашин, надвигая полушубок на самую голову.

Глава 2

— Сидишь? — услышала Лидочка ухмыляющийся мальчишеский голос из-за фанерной перегородки. Девчонка промолчала и демонстративно повернула голову в противоположную сторону, туда, где находилось запотевшее окошко туалета. То, что туалет был общим для всех детей, и ей приходилось им пользоваться вместе с мальчишками, нисколько её не смущало, но болтать здесь с ними, она была категорически против. — Правильно делаешь, что не подаёшь виду, кто ты на самом деле, — в соседней кабинке зажурчало — мальчишка, заговоривший с ней, тоже справлял свою малую нужду.

После таких слов Лидочка на миг позабыла, зачем пришла в это место. Она многого могла ожидать от обитателей интерната, но чтобы её раскусили, да ещё какой-то малолетка... «Где же я допустила ошибку? — думала она, суетливо прокручивая в мыслях все возможные варианты. — А может быть пацан вообще не о том?»

— Сто тебе нужно? — наконец в наступившей тишине произнесла она, стараясь говорить как можно естественнее. Тревожный взгляд девочки вновь упёрся в преграду, отделяющую её от собеседника. Тот уже сделал своё дело, но выходить из кабинки не торопился.

— Я долго к вам троим присматривался, — произнёс

мальчишка, проигнорировав вопрос Лидочки. Он говорил громким шёпотом, приблизив голову к фанерной перегородке, покрашенной в грязно-зелёный цвет. Благодаря акустике пустого помещения, голос звучал таинственно и настораживающе. — Тебя-то я сразу вычислил, — хмыкнул собеседник, — как-никак, в нас с тобой когда-то текла кровь одного народа. Но вот кто такие Витёк и Гришаня, никак не могу разгадать. Какие-то они скользкие для понимания умом и неприступные для того, чтобы влезть им в голову.

— Кто ты? — уже вполне обычным голосом без какого-либо детского сюсюканья, спросила Лидочка.

— А ты ещё не догадалась? — хихикнул за перегородкой мальчишка. — Моё настоящее имя Крак.

— Крак?! Так ты...

— Да, дорогуша, я из той же звёздной системы, что и ты. Мы с тобой, можно сказать, родня по крови. Были, — добавил собеседник, и в его голосе Лидочка почувствовала то ли иронию, то ли тоску по дому.

— Но это же невероятно... — изумилась девчонка. Она совсем позабыла и о том, для чего пришла в туалет и о своём принципе не разговаривать здесь с мальчишками. Её сердечко неистово заколотилось в предчувствии чего-то радостного и приятного. «Это же какие заслуги нужно иметь перед Высшими силами, чтобы они организовали мне встречу с родным существом за миллионы световых лет от нашего дома?» — подумала Лидочка, а вслух сказала: — Но как ты

сюда попал?

— Это долгий разговор, сестрёнка. Ты извини, но для конспирации я не буду называть тебя твоим настоящим именем, а, кстати, как тебя зовут?

— Трогр.

— Очень приятно, Трогр. Судя по имени, ты не из бедной семьи.

— Угадал. Моя родительница занимала высокое положение в планетарном масштабе.

— Тебе повезло. Моя родительница занимала не слишком высокий пост. Нас в семье было четверо, я самый младший... Мне доставалось всё самое худшее, как ты понимаешь. Если бы не случайность, которая, можно сказать, перевернула всю мою жизнь, то я так бы и прозябал на нашей планете не имея возможности выбиться куда-нибудь повыше. Мальчишка на мгновение умолк, но потом, словно встрепенувшись, быстро произнёс:

— Ладно... Мне, конечно, очень хотелось бы побольше с тобой поболтать, но сама понимаешь...

— Да, конечно. Люди ничего не должны заподозрить.

— Совершенно верно. В общем, я пошёл, Лидочка, — мальчишка хмыкнул каким-то своим мыслям и направился к выходу. — Мы непременно ещё с тобой поболтаем, — сказал он, открывая дверь туалета.

Услышав, как хлопнула входная дверь, Лидочка улыбнулась. Волнение, охватившее её в первые мгновения беседы с

Краком и послужившее причиной выброса в кровь большого количества гормона стресса — адреналина¹, теперь сменилось приятным ощущением тепла и умиротворения в районе сердца. Тепло тут же разлилось по всему телу дофаминовыми² волнами радости и блаженства, вызвав небольшое головокружение и лёгкое, давно забытое, чувство эйфории. Эмоции — это, пожалуй, самое интересное и загадочное из всего того, что она, а если уж быть точным, то оно испытало и оценило давным-давно, попав на Землю и проживая сначала в теле Фёдора Бескровного, ученика профессора Здравомыслова, а затем и в теле девчонки. Существа с планеты Шрод, из двойной звёздной системы в созвездии Осьминога, где оно появилось на свет, не имели пола. В их телах сочетались равномерно и мужское и женское начало, что и придавало жителям далёкой от Земли галактики особую магическую силу. Попав на Землю и трансформировав своё змееподобное тело в человеческое, Трогр с ужасом обнаружил, что, став однополым, утратил половину своих способностей. Однако некоторым утешением для него стало то, что у людей имелось необычайное свойство, которого не было у его народа — это возможность испытывать эмоции. Если для землян проявлять эмоции было обыденным и само собой разу-

¹ Адреналин — гормон стресса. Когда мы сталкиваемся с тем, что мозг воспринимает как угрозу, в надпочечниках начинает вырабатываться адреналин.

² Дофамин — гормон счастья или радости, который вырабатывается в мозгу в процессе предвкушения или получения желаемого продукта, а также совершения желаемого действия

меющимся явлением, то для пришельца — это было чем-то совсем новым и непривычным. Бездушные, безэмоциональные... — вот, пожалуй, какими словами могли бы охарактеризовать жители Земли жителей планеты Шрод.

Чудесным образом проскользнув через случайно открывшийся межгалактический портал, тогда ещё не защищённый землянами от проникновения извне, Трогр вначале был чуть ли не парализован нахлынувшими на него непривычными ощущениями, которые то и дело возникали в его теле. Как он узнал чуть позже, происходило всё это благодаря наличию в организме человека эндокринной системы, которая напрочь отсутствовала у жителей его планеты, и выбросу в кровь определённых гормонов. Однако эйфория, нахлынувшая после такого удачного перемещения в пространстве, продлилась не очень долго. Примерно, через год, приятные ощущения начали постепенно меркнуть и угасать, словно погасший костёр, от которого ещё идёт тепло, но света он уже не даёт. А ещё через полгода у него вообще наступила апатия, сменившаяся затем жуткой депрессией. До этого времени Трогра, словно корабль без рулевого, всё время швыряло по бурлящему океану эмоций, а теперь внутри него образовалась какая-то пустота. Он, словно наркоман, привыкший к ярким и приятным человеческим ощущениям, привыкший получать эйфорию от впрыскивания в кровь гормонов радости, оставшись без всего этого, казалось, потерял весь смысл жизни.

Прожив пару недель в таком подавленном состоянии, благо, что умение притворяться у него сохранилось из его прошлой жизни, он начал серьёзно задумываться, что же делать дальше. Всё это время Трогр жил в практически идеальном обществе, созданном на этой планете её обитателями. О нём заботились, ему всячески помогали, не требуя взамен ничего. Пришелец видел, что эти люди, помогая ему без всякой корысти, радовались. Проявляя заботу о незнакомом им человеке, а выглядел он так же, как любой житель Земли, они были счастливы. Трогр, имеющий невероятно чуткое обоняние, не без зависти ощущал запах гормонов счастья, которые появлялись в крови этих странных людей, когда они делали что-либо полезное для кого-то другого.

В отличие от коренных жителей планеты, инопланетянин не мог вот так беспричинно наслаждаться и радоваться всему тому, чему радовались жители Земли четырёхтысячных годов. Он пытался трудиться, как они, но не чувствовал удовлетворения от работы, которую не то что не любил, а даже ненавидел. Он пробовал подружиться с сослуживцами, но кроме раздражения ничего не мог почувствовать в своей очерстневшей душе.

Тогда Трогр забросил всё, чем занимался до этого, и полностью погрузился в изучение местных оккультных знаний. Несколько лет, проведённых в ученичестве у профессора Здравомыслова, дали хороший толчок для продвижения к своей цели. А цель теперь была одна. «Раз уж я не могу

получать кайф от чего-то другого, — рассуждал Трогр, — то почему бы не получать удовлетворение от возрождения своих утраченных магических способностей». Прошло ещё несколько лет в его поисках и практиках. Благодаря усердию он многого смог добиться, и даже цель у него появилась новая — власть. Он жаждал власти, в то время, когда все вокруг были к ней абсолютно равнодушными.

Неизвестно, как бы сложилась его дальнейшая судьба, если бы не открытие профессором Здравомысловым ретроградной инкарнации. Теперь у него, наконец, появился шанс не просто стать хорошим магом, но превратиться в настоящего человека, обладающего, однако, нечеловеческими способностями. Правда, для того, чтобы воспользоваться изобретением своего учителя, не обошлось без применения коварства, но что поделать, если это было врождённое свойство всех жителей его далёкой планеты Шрод.

Родившись в прошлом, где всё было иначе, чем в том мире, где жил до этого, Трогр испытал некоторое облегчение, но лишь до той поры пока не осознал, что инкарнировал в тело девчонки. В общем-то, для некогда двуполого существа это была не проблема (на их планете все жители свободно меняли пол в зависимости от потребностей и необходимости на данный период времени). Вот только в женском теле он потерял ещё больше магических способностей, чем имел ранее в теле мужчины.

И вот сегодня, после встречи со своим, как сказали бы в

этом мире, земляком, Трогр-Лидочка чуть ли не впервые за многие годы его существования на этой планете, вновь испытал настоящую эйфорию. Он вновь ощутил в своей крови такие милые сердцу гормоны радости и счастья. Радовался же он не только от встречи с Краком, но и от того, что пройдёт ещё несколько лет, они станут взрослыми и, воссоединившись, смогут вновь обрести целостность. Они вновь станут единой сущностью, почти такой же, какой они были на своей планете. Конечно, Крак тоже должен был этого захотеть и согласиться, но Лидочка не видела никаких препятствий, из-за которых тот мог ей отказать.

Я сидел за столиком вместе с Гришаней и от нечего делать вырезал из разноцветной бумаги снежинки. Приблизился новый тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год, и нас в предпраздничные дни не стали загружать никакими тренингами и занятиями. Раиса Ивановна сидела на стуле в сторонке, глядя в окно и время от времени посматривая на нас скучающим взглядом. Погода была пасмурная, и с самого утра все в интернате ходили сонными и мрачными. Лидочка тоже не была исключением, но вот, вернувшись из туалета, она вдруг просто засияла счастьем. Конечно, это её «сияние» заметил лишь я один, так как девчонка всеми силами старалась казаться обыкновенной и не привлекать к себе внимания. Меня так и подмывало спросить Лидочку о причине её радости, но из-за конспирации не мог себе позволить сделать

это при нянечке. Девчонка же, как ни в чём не бывало, уселась к нам за столик и тоже взялась за работу. Если я вырезал снежинки с закруглёнными формами, то у неё они получались наоборот остrokонечными, словно отточенные кинжалы. Гришаня поглядывал то на меня, то на Лидочку и, пыхтя от натуги, резал что-то вообще невообразимое и несимметричное.

Дверь в комнату приоткрылась, и в проёме показалось, как обычно, бледное лицо Истела.

— Раиса Ивановна, — робко произнёс мальчишка, — а можно и я с ребятами посижу.

— А тебе что, больше не с кем посидеть? — строго спросила воспитательница, вмиг сменив равнодушный блуждающий взгляд на устремлённо-проницательный. — У тебя же есть ровесники, с которыми тебе будет интереснее.

— Так они все своими делами заняты, а мне больше нравится, когда вместе... Больше всякого узнаешь.

— Ладно уж, заходи, — разрешила Раиса. Ей, как и всем остальным работникам интерната, было дано предписание — позволять пришельцу из космоса в присутствии старших общаться с детьми. — Только, чтоб был полный порядок.

— Угу.

Мальчишка прошмыгнул в комнату и прикрыл за собой дверь. Взяв у стены ещё одну табуретку, которую явно перерос, он уселся к нам за столик. Его худые коленки смешно торчали над крышкой стола, из-за чего он напоминал мне

большого тощего кузнечика.

— Чего вырезаем? — весело спросил Истел. Бросив беглый взгляд на воспитательницу и увидев, что та вновь уставилась в окно, мальчишка быстро что-то сунул в руку Лидочке. Та также проворно сунула это что-то в кармашек платя. — Так, понятно, — как ни в чём не бывало, продолжил мальчишка, — значит, снежинки к новому году делаем. А почему они не белые, а разноцветные? — спросил он, уже обращаясь к Раисе Ивановне.

— Так дети проявляют свою индивидуальность, — не поворачивая головы, ответила та и, зевнув, поправила тёплый вязанный платок, укрывавший её плечи.

— Понятно, — произнёс мальчишка, внимательно приглядываясь к нашей незамысловатой работе. — Ловко у вас получается!

«Мне бы мои способности из моей прошлой жизни, — подумал я, — я бы не такого ещё понаделал. Разве ж тут есть чему удивляться?..» Из-за того, что нам было чуть больше, чем по четыре года, ничего серьёзного в подготовке к празднику, кроме как резать снежинки, доверить нам не решились.

— А Сашка Кононов тренируется зажигать свечи на ёлке, — как бы между прочим сообщил Истел, рассматривая снежинку, вырезанную Лидочкой. — Ух ты, какая острая, — сказал он, испуганно отдернув руку, и я увидел, как на кончике его пальца выступила бледно-розового цвета кровь.

Как инопланетянин смог пораниться бумажной снежинкой, меня в тот момент совсем не заинтересовало. Больше всего меня привлёк непривычно бледный цвет его крови. Заметив мой удивлённый взгляд, Истел улыбнулся и слизнул капельку крови языком. И вновь я заметил то, что раньше ускользало от моего внимания — кончик языка у мальчишки едва заметно делился на две половинки. Конечно, это не был в полной мере язык змеи, но всё же он возродил в моей памяти неприятные ассоциации с этим пресмыкающимся.

Послышался робкий стук в дверь. Все присутствующие дружно повернули головы в ту сторону.

— Кто там ещё? — недовольно отозвалась нянечка.

— Можно? — послышалось ещё из коридора, и только после этого в комнату вошёл Фира Демидов.

— И ты сюда? — вздохнула Раиса Ивановна, но уже не сердито, а, скорее всего, сочувственно.

— Мне скучно, — прогундосил мальчишка. Он вытер рукавом рубашки нос, после чего аккуратно прикрыл за собой дверь.

— Ну проходи, коль пришёл, — сказала воспитательница. — Только табуретку свою принеси, а то у нас все уже заняты.

— Ага, я быстро, — весело ответил Фира, видимо, обрадованный тем, что ему позволили побыть в компании и не выгнали, как обычно.

Через несколько минут он, довольно улыбаясь во весь рот, уже сидел на своей табуретке рядом с Истелом.

— Будешь? — спросил он у Лидочки, протягивая ей пряник.

— Спасибо, — ответила та, принимая подарок.

Недолго думая, девчонка, не обращая ни на кого внимания, принялась его жевать. Все, даже сам Фира, инстинктивно сглотнули слюну, видя, как аппетитно Лидочка уплетает незамысловатое угощение, и только Истел, казалось, остался равнодушным к такому виду пищи землян. Доев пряник, девчонка достала из кармана конфету, которую, наверное, и сунул ей в руку инопланетянин и также, ни с кем не поделившись, слопала и её.

Я уже хотел продолжить прерванную появлением ребят работу, как почувствовал непонятно почему участившееся сердцебиение. В душе появился какой-то дискомфорт и тревога. Я понимал, что это сигнал, предупреждение о чём-то плохом, но в тесном окружении жителей интерната не мог немедленно погрузиться в медитацию, чтобы выяснить причину волнения. Однако, чувствуя, что медлить нельзя, так как может произойти непоправимое, я, немного поёрзав на своей табуретке, делая вид, что мне понадобилось в туалет, спешно удалился. Очутившись в отдельной кабинке, я прикрыл дверку и, расслабившись, отпустил свою мысль по тому энергетическому следу, откуда ко мне пришёл сигнал об опасности. То, что я увидел, повергло меня в смятение, но я быстро совладал с собой и принял, как мне показалось, единственно правильное решение.

Глава 3

— Здравствуйте, Николай Николаевич, — откуда-то сбоку окликнул Николая Петренко мужской голос. Он только что вышел с проходной завода и, простившись с мужиками со своей бригады, направлялся в сторону остановки трамвая.

Голос показался Николаю знакомым, поэтому он остановился и посмотрел в ту сторону, откуда его окликнули. В свете уличного фонаря Петренко увидел мужчину в плаще с поднятым воротником и шляпе. Его одежда явно не подходила для декабря месяца, тем более что мороз был не менее пяти градусов. Однако мужчину, видимо, это обстоятельство нисколько не смущало. Он выпустил изо рта дым вместе с облаком пара и швырнул в сугроб окурок сигареты.

— Здравствуйте, — ответил Николай, напрягая память и пытаясь вспомнить, где же он видел этого человека.

— Геннадий Семёнович Беспалов, — подсказал мужчина, подходя к Петренко. — Припоминаете? Мы с вами общались как-то у вас на работе.

— Да-да, вы из КГБ? — Николай, наконец, вспомнил приятного разговорчивого мужчину, из-за которого дома получил взбучку от жены. Он искренне улыбнулся и протянул руку для рукопожатия.

Однако в этот раз на лице сотрудника госбезопасности не отразилось никаких признаков дружелюбия и радости. Оно

оставалось серьёзным и беспристрастным, словно замёрзшая на морозе маска. Проигнорировав протянутую ему руку, Беспалов не терпящим возражения голосом произнёс:

— Мне нужно с вами поговорить.

Петренко вновь сунул руку в карман и поёжился: то ли от мороза, то ли от неприятного предчувствия, тревожным звончком завибрировавшего где-то в животе. Сегодня вместо весельчака и балагура, каким предстал перед ним Беспалов в прошлую их встречу, стоял жёсткий и, пожалуй, самодовольный человек. Даже невооружённым глазом можно было заметить, как он упивается своей властью над беззащитным человеком.

— Я слушаю вас, — ответил Николай, робея под немигающим взглядом кагэбиста.

— Давайте пойдём к вам домой, так как разговор наш касается также и вашей супруги.

— А чего же вы сразу домой не пошли? Лариса уже дома... — преодолевая робость перед сотрудником грозной организации, поинтересовался Петренко. Они не спеша продолжили путь в сторону остановки трамвая.

— Сначала я хотел бы переговорить лично с вами. Так сказать, тет-а-тет, — ответил Геннадий Семёнович. Николай больше не решился задавать вопросы, а остановившись на платформе для посадки в трамвай, молча ждал, что скажет его собеседник. — Так вот, — продолжил тот, — нам нужно, чтобы вы подписали отказ от родительских прав на вашего

сына.

Николай вскинул на кагэбиста голову, словно желая убедиться, что тот не шутит. В лице собеседника ничего не изменилось. Тогда, набрав в грудь побольше воздуха, словно перед прыжком в воду, Петренко хотел решительно возразить, но Беспалов, видимо, угадав намерение мужчины, жестом руки остановил его и сердито продолжил:

— Не торопитесь, Николай Николаевич. Не нужно горячиться, — он покосился на стоящих рядом людей и, по-дружески взяв собеседника под руку, отвёл его чуть в сторонку. Понизив голос, Беспалов продолжил:

— Речь ведь идёт не только о здоровье и благополучии вашего сына, но и о вашем с супругой в том числе.

— Что вы имеете в виду? — спросил Петренко, чувствуя, как мерзкий холодок пробежал по его спине.

Когда сына забирали в специнтернат, никаких разговоров об отказе не шло. Наоборот, говорили, что Витя будет жить в комфортных условиях, им с женой обещали новую квартиру с улучшенной планировкой, а также возможность посещать сына по выходным дням. Однако все обещания так и остались лишь словами. Возможно, Вите и создали там какие-то условия, но наверняка никто этого не знал. Лишь один раз, за всё время вынужденной разлуки с сыном, они получили от него небольшое письмо. Обратного адреса на конверте не было и, скорее всего, его бросили сами работники интерната. Естественно, четырёхлетний малыш ничего особенно-

го написать не мог. Письмо содержало всего несколько строк и, возможно, даже было написано под диктовку сотрудников госбезопасности. Он писал, что у него всё в порядке, кормят хорошо, живётся тоже хорошо. Только Петренко старший был не настолько глуп, чтобы не понимать, что ребёнка просто заставили так написать.

Ну и, конечно же, никакой квартиры они с женой до сих пор так и не получили. Однако у них даже не возникало мысли, чтобы куда-то пойти и потребовать обещанное. О серьёзности такой организации, как КГБ, ходило много нелицеприятных слухов. Ещё свежи были в памяти разоблачительные речи Хрущёва на двадцатом съезде партии по поводу Сталинских репрессий и перешёптывания в узком кругу знакомых о том, кто был главным исполнителем и участником расправ над советскими гражданами. А теперь, вот, ещё новая неприятность...

— Понимаете, Николай Николаевич, — сотрудник особого отдела говорил мягко, будто с ребёнком, — мы уверены, что ваша супруга, в силу своей партийной недалёковидности, не захочет подписывать документ. Поэтому мы надеемся, что вы, как человек более благоразумный и политически подкованный, сможете правильно повлиять на свою жену и убедить её в необходимости сделать это.

— А если и я тоже не хочу подписывать? — спросил Петренко, опустив взгляд в покрытый снегом асфальт.

— Поэтому я и решил поговорить сначала с вами, как с

человеком разумным и главой семьи, который, прежде всего, должен заботиться о её здоровье и безопасности.

— Что вы имеете в виду? — вновь задал вопрос Николай. Разговор был ему очень неприятен, и он пристально вглядывался вдаль в надежде, что там, наконец, появится трамвай, и он сможет немного прийти в себя и поразмыслить над сложившейся ситуацией.

— Дело в том, уважаемый Николай Николаевич... — начал было Беспалов, но договорить не успел.

В этот момент действительно показался трамвай. Собравшаяся на остановке толпа, состоящая в основном из заводчан, заволновалась, и мужчинам пришлось приложить немало усилий, чтобы втиснуться в переполненный вагон. Петренко, который нырнул в открывшуюся дверь первым, так и подмывало избавиться от неприятного собеседника вытолкнув его в ещё не закрывшуюся дверь на улицу. Сделать это было совсем не трудно, стоило лишь чуть поддать задом, и свисающий со ступенек кагэбист вылетел бы из трамвая, как пробка из бутылки шампанского. Однако благоразумие и страх одолели нахлынувшие спонтанные эмоции, и мужчины вместе доехали до нужной остановки. Когда они, наконец, вновь оказались на улице, Беспалов продолжил разговор, словно и не было вынужденной паузы.

— Все мы люди смертные, Николай Николаевич, — придав как можно больше трагичности своему голосу, сказал он. — И никто не знает, что может произойти с человеком в сле-

дующий миг. Жизнь, знаете ли, очень непредсказуемая штука.

Петренко понимал, что кагэбист ему явно угрожает, но от волнения за себя, за Ларису, а главное, за Витьку, который находился в руках этой организации, не мог произнести ни слова. В его душе сейчас боролись два сильных желания. Первое было — просто взять и послать этого самоуверенного пижона куда подальше и ничего не подписывать, а дальше будь, что будет. Второе — более рискованное и радикальное желание, хотя и более надёжное. А именно: врезать этому щеголю чем-нибудь тяжёлым по его дурацкой шляпе так, чтобы дух вон, да и закопать остывающее тело где-нибудь в сугробе подальше от своего дома. Беспалов, словно учуяв что-то неладное, будто невзначай отступил от собеседника на один шаг в сторону, тем самым увеличив между ними дистанцию. Николай с сожалением отметил, что теперь, даже будь у него в руках тот самый тяжёлый предмет, он уже не смог бы ничего сделать такого, что осталось бы незамеченным кагэбистом.

— Поскольку мы с вами здесь одни, — бесцеремонно продолжал нагнетать страх Геннадий Семёнович, — то хочу вам напомнить о трагической гибели семьи Толстых. Надеюсь, вы помните, что с ними случилось?

— Да, — не останавливаясь, буркнул Петренко. В его памяти тут же всплыли: цветы, венки, торжественные траурные речи на похоронах начальника цеха и его супруги, по-

гибших в автомобильной катастрофе.

— Они, между прочим, тоже были против того, чтобы их сын жил в интернате. А ведь Филипп Иванович, если вы помните, был уважаемым человеком, состоял на хорошем счету в парткоме завода, а также имел неплохие связи в районной партийной организации. У вас, конечно, нет автомобиля, но на улицах так много других машин, а дороги нынче такие скользкие... Да и работа у вас, насколько мне известно, тоже связана и с высотой, и с электричеством... Не дай бог, оступитесь или не туда сварочный кабель подключите...

Николай продолжал молчать, а его лицо становилось всё мрачнее и мрачнее. Наконец они подошли к дому. Погрузившись в тяжёлые размышления, он даже позабыл, что супруга просила его купить хлеб. Вспомнил Петренко об этой просьбе уже поднимаясь по ступенькам лестницы. Чертыхнувшись про себя, он продолжил путь, пока они не остановились у дверей его квартиры.

— Так что, Николай Николаевич, надеюсь, мы с вами друг друга поняли? — лицо Беспалова скривилось в недоброй усмешке.

— Поняли, — промычал в ответ Петренко, доставая из кармана ключ и открывая замок.

— Петренко, ты хлеба купил? — послышался с кухни голос супруги. В комнате пахло жареным луком и чесноком. Хозяйка готовила ужин.

— Забыл, — сердито крикнул Николай. В прихожей тут

же появилась Лариса с большой алюминиевой ложкой в руках. Она уже хотела было наброситься на нерадивого мужа с упрёками, но, увидев постороннего человека, прикусила язык.

— Здравствуйте, Лариса Борисовна, — расплывшись в фальшивой улыбке, произнёс Беспалов.

— Здравсьте, — коротко ответила женщина и тут же скрылась за дверью.

Струсив со шляпы начавший таять снежок, сотрудник особого отдела повесил её на крючок для одежды и, не снимая плаща, последовал за хозяйкой на кухню.

— Позволите? — спросил Беспалов и, не дожидаясь ответа, уселся на табурет. Николай быстро снял верхнюю одежду и мрачной статуей возник в проёме двери.

— А вам не всё ли равно, позволю я вам или нет? — фыркнула Лариса, выгребая со сковороды за жарку в кастрюлю. Супруг с тревогой взглянул на кагэбиста, потом быстро перевёл взгляд на жену.

— Что ж вы так грубо, Лариса Борисовна? — продолжал лыбиться Беспалов. — Я же пришёл с вами поговорить по душам.

— Знаем мы... ваши разговоры, — невесело отозвалась хозяйка. Она и сама не поняла, откуда в ней вдруг взялась смелость дерзить сотруднику госбезопасности. Ей казалось, что всё самое плохое, что можно было сделать для их семьи, им уже сделали — отобрали сына. Только она ещё не дога-

дывалась, с чем на этот раз пожаловал этот человек.

— Вот вы на меня сердитесь, а я вам, между прочим, весточку от сына принёс. Оба родителя, словно сговорившись, одновременно посмотрели на неожиданного гостя.

— Вот, — Геннадий Семёнович порылся в своём кожаном портфельчике и достал сложенный вчетверо тетрадный листок.

Лариса бросила на пустую сковороду ложку, которой помешивала содержимое кастрюли, и схватила протянутый ей листок. Быстро развернув, она бегло прочла несколько строк, написанных детским неуверенным почерком. Дойдя до конца письма, она принялась читать его ещё раз, только уже более медленно.

«Здрастуйте мои мама и папа. Пишет вам ваш сын Витя. Живу я хорошо. Нам тут весело. Мы гуляем с ребятами в игры. Вы за меня не волнуйтесь патаму што у меня всё хорошо. Досвиданя». Рука с письмом безвольно опустилась вниз. Увидев, как изменилось лицо супруги, Николай выхватил у неё листок и тоже прочёл послание от сына. Окончив читать, он с улыбкой взглянул на жену и увидел, как по её щекам стекают слезинки.

— Ну что ты, Ларочка, — сразу посерьёзнев, сказал Николай, — он же пишет, что у него всё хорошо.

— Заметьте, — тут же с воодушевлением вставил своё слово Беспалов, — пишет четырёхлетний ребёнок! Некоторые и в семь лет ещё не умеют писать! У нас в интернате

очень хорошие педагоги.

Лариса достала из кармашка фартука носовой платок и молча промокнула слёзы.

— Петренковская порода! — потрясывая зажатым в руке письмом, с гордостью заявил счастливый папаша, на некоторое время позабыв, с какой целью пришёл к ним в дом кагэбист. Он взглянул на гостя и увидел, что его лицо заметно изменилось. Оно как-то вдруг побледнело. Его покрасневшие с мороза щёки теперь были белыми, словно мел. С посиневших губ слетели и лживая улыбка, и надменная ухмылка. Он явно был растерян и испуган.

— Вам плохо? — спросил глава семьи.

— Нет-нет, всё хорошо, — не очень уверенно отозвался Беспалов, но вдруг резко согнувшись и схватившись руками за грудь, быстро добавил:

— Вызовите быстрее скорую.

— Ну, блин, — ругнулся Петренко, вращая головой во все стороны и не зная, что предпринять, — этого только нам не хватало.

— Ну что ты стоишь, — прикрикнула на него супруга, которая быстрее овладела собой. — Беги, давай, звони с автомата. Ноль три бесплатно.

— Ага, — словно очнувшись, ответил Николай и бросился к входной двери.

Одев на голову только шапку, он распахнул дверь и, топоча башмаками по ступеням, понёсся по лестнице вниз. Ско-

рая приехала очень быстро, так как Петренко для острастки сообщил, что врач нужен сотруднику КГБ. Когда в комнату быстрым шагом вошли мужчина и женщина в белых халатах, дыхание у прислонившегося к стене кагэбиста было редким и еле слышным. Мужчина доктор, не мешкая, раскрыл свой саквояж и, достав принадлежности для инъекции, сделал какой-то укол.

— Томочка, — обратился он к молодой фельдшерице, — быстро носилки. Вы мне поможете вынести больного? — теперь врач повернул озабоченное лицо в сторону хозяина квартиры.

— Да, конечно, — подсевшим голосом прохрипел Николай и откашлялся, прочищая горло.

Через несколько минут он, ссутулившись, стоял возле тускло освещённого подъезда и провожал взглядом выезжающую со двора карету скорой помощи.

Глава 4

Тишину ночной комнаты взбудоражил зуммер телефона. Дина Лукина, находясь под впечатлением приятного сновидения, недовольно поморщилась. Ей очень не хотелось просыпаться, а ещё больше не хотелось покидать тёплую постель. Однако телефон, вопреки её ожиданиям, всё не смолкал. Про себя выругавшись крепким мужским словечком, Дина нехотя вылезла из-под одеяла. Она включила настольную лампу, стоявшую возле кровати, и взглянула на часы.

— Три часа ночи, — буркнула себе под нос. — Кому там не спится в такую рань? Поёжившись от холода (батареи уже вторую зиму были чуть тёплыми), Дина быстро накинула тёплый халат и, сунув ноги в тапочки, не спеша прошаркала в прихожую.

— Слушаю вас, — недовольно сказала она в трубку. Услышав голос Поленова, уже хотела было выmaterить его за такие внеурочные звонки, но буквально через несколько секунд лицо капитана госбезопасности стало серьёзным, и она как будто и не бывало. — Что ты говоришь? — прошептала она. — Да, у меня. Сейчас позову. — Лукина, бросив трубку рядом с аппаратом, поспешила в спальню. На пороге она чуть не столкнулась с Самойловым. Дина так до сих пор и не смогла понять, какие у них с Игнатом отношения. Несмотря на вроде бы взаимные чувства, тот уже больше года так и не

подал на развод со своей женой, с которой давно не жил вместе и, соответственно, не делал ей предложения. Так и жили: то он у неё, то она у него, то, если у кого-нибудь из них случались какие-либо срочные дела по работе, каждый у себя.

— Поленов звонит, — успела сообщить Самойлову Лукина перед тем, как тот взял трубку.

— Самойлов у аппарата, — хриплым после сна голосом сказал полковник.

Хотя он и проснулся практически сразу, как только Дина включила свет, но по-прежнему всё ещё пребывал в состоянии небольшой заторможенности. Слушая доклад подчинённого и давая ему указания, он то и дело поглядывал на застывшую в дверях сожительницу, ловящую каждое его слово. Закончив разговор, Самойлов положил трубку на рычаг аппарата и направился в спальню.

— Ну, что? — спросила Лукина, последовав за ним. — Что-то серьёзное?

— Беспалов в бессознательном состоянии. Сейчас находится в нашей больнице, — ответил Игнат Фёдорович, натягивая брюки.

Врождённая педантичность в отношении к своим вещам позволила полковнику госбезопасности одеться и быть готовым к выезду буквально в течение нескольких минут. А ещё через несколько минут он уже выходил из подъезда дома, направляясь на встречу высланному для него автомобилю.

— Что случилось, товарищ полковник? — обратился к

нему его личный шофёр Илья, открывая дверцу автомобиля.

Самойлов, погружённый в свои мысли, не ответил, а, запустив в салон порцию морозного воздуха, молча уселся на переднее сидение. Водитель, заметив состояние шефа, не стал больше донимать его расспросами. Куда доставить начальника, ему сообщили, когда по тревоге выдернули из тёплой кровати, в которой осталась спать его молодая супруга. В вестибюле ведомственной больницы полковника встретил майор Поленов, в накинутом на плечи халате.

— Ну, что? — ещё издали задал волнующий его вопрос Игнат Фёдорович.

— Всё также, состояние критическое, — хмуро ответил майор, который, судя по виду, сегодня вообще не ложился спать.

— Что говорят врачи?

— Ничего определённого, — пожал плечами Поленов. — Намекают, что ничем помочь не смогут, так как до сих пор не смогли определить причину болезни.

Мужчины быстрым шагом направились в отделение реанимации, хотя торопиться, вроде бы, было и незачем. Их помощь там явно была не нужна. Майор протянул шефу белый халат, и тот на ходу набросил его поверх пальто.

— Так что же с Беспаловым могло произойти? — словно раздумывая вслух, задал вопрос Самойлов, пока они петляли лабиринтами пустых коридоров и поднимались по лестницам.

— Да тут хрен поймёшь, Игнат Фёдорович. Никаких внешних повреждений, вроде бы, нет. Рентген показал, что все органы в полном порядке...

— Контузия? — предположил полковник.

— И это врачи не подтверждают. Кто другой, может быть, и усомнился, но я склоняюсь к тому, что было какое-то дистанционное воздействие.

— Ты думаешь?

— Почти уверен.

Сотрудники особого отдела, наконец, вошли в реанимационное отделение. К ним тут же направился мужчина средних лет в белом халате и медицинской шапочке.

— Анатолий Ефремович Шарко, заводделением, — представился он.

— Что Беспалов? — пожав руку медику, спросил полковник.

— Состояние тяжёлое, — со свойственным докторам хладнокровием сообщил тот, опуская к подбородку медицинскую маску. — Делаем всё, что можем, но... Такое впечатление, что парень стареет прямо на глазах. Если этот процесс будет продолжаться с той же интенсивностью, боюсь, до утра он не дотянет.

— Стареет?! — удивлённо буркнул Самойлов, бросив короткий взгляд на Поленова.

Мужчины подошли к палате интенсивной терапии, и полковник, приоткрыв дверь, заглянул внутрь. Возле койки с

бледным, как мел, подчинённым, больше сейчас похожим на труп какого-то старика, чем на живого молодого человека, сустились две медички. Понаблюдав некоторое время за действиями врачей, начальник особого отдела осторожно прикрыл дверь.

— Может быть, пройдёте в мой кабинет? — предложил Шарко. Самойлов согласно кивнул. Все трое прошли в конец коридора и вошли в небольшой, но уютный кабинет. В воздухе парила странная смесь запахов медикаментов и зернового кофе. — Вы здесь располагайтесь, а мне нужно идти работать. Если что-то прояснится, я вам сообщу, — сказал эскулап, закрывая дверь с обратной стороны.

Когда его торопливые шаги стихли, Самойлов вновь обратился к Поленову.

— Матвей Лукич, — сказал он, усаживаясь на небольшой кожаный диван, — так где это случилось с Беспаловым?

— Всё произошло на квартире у Петренко. Скорую вызвал отец Виктора. Сказал, что сотруднику КГБ плохо. Врачи приехали очень быстро. Что произошло до этого, пока неизвестно.

— Но какого... Что Беспалов делал у Петренко? Какого рожна он туда попёрся? — зло рыкнул полковник. — Я его к ним не посылал.

— Непонятно, — пожал плечами Поленов. — Возможно, проявил, так сказать, инициативу.

— Инициативный, твою мать...

— По горячим следам выяснить ничего не удалось. Петренко не мычит, не телится. Видно, что мужик сильно перетрусил.

— Может, пьяный?

— Та вроде бы нет... Говорю же, испугался, наверно, что у него на квартире сотрудник КГБ сознание потерял.

— А жена что?

— Та тоже не лучше... В общем, напоили обоих валерьянкой и вручили повестки на завтра, — Поленов взглянул на часы, — то есть на сегодня, на четырнадцать часов.

В коридоре послышался топот ног и приглушённые голоса. Дверь кабинета открылась, вошёл заведующий отделением. Он был уже без маски, а его лицо было мрачным и суровым. Оба осотовца замолчали и повернули головы в его сторону. Медик, ничего не говоря, медленно стащил с головы свою шапочку и тихо произнёс:

— Я очень сожалею, но мы сделали всё, что могли.

Полковник вскочил с дивана, а майор замер на месте, словно восковая фигура. Оба, как по команде, тоже сняли свои шапки. У Самойлова, прошедшего всю Великую Отечественную войну, сначала в разведроту, потом в контрразведке, ещё свежи были воспоминания тех жестоких лет, когда приходилось терять друзей и близких. Теперь же, когда давно уже не гремят разрывы бомб, и не слышен пулемётный стрекот, гибель молодых ребят ему казалась нелепой и непонятной. Даже смерть от болезни Игнат Фёдорович вос-

принимал как что-то неестественное и чуждое в это прекрасное мирное время. Некоторое время в помещении царило молчание. Доктор, не глядя на присутствующих, прошёл через кабинет, достал из сейфа бутылку коньяка и три гранёных стакана. Всё также молча плеснул в каждый коричневого цвета жидкости и, не говоря ни слова, залпом выпил содержимое своего стакана. Самойлов и Поленов подошли к столу и последовали его примеру. Немного постояв в тишине, Игнат Фёдорович взглянул на подчинённого и, подав знак следовать за собой, направился к двери. Уже выходя из кабинета, он остановился и, обернувшись к медику, сказал:

— Анатолий Ефремович, мне нужен полный отчёт о том, что вы делали и, конечно, результаты вскрытия.

— Само собой, — мрачно, не по уставу, ответил тот.

— Это дело так просто оставлять нельзя, — зло проговорил полковник. Мужчины вновь шли по гулким коридорам больницы, и он, словно в бреду, с силой комкал в руках снятый на ходу халат. — Мне нужно знать, кто виновен в смерти Беспалова. Если это проделки Петренко младшего, то он сильно об этом пожалеет. В общем, Игнат Фёдорович, давай-ка, ты лично займись расследованием происшествия. Ты у нас самый опытный, тем более что полностью в теме и хорошо знаешь всю специфику нашей работы.

— Есть, — ответил майор, принимая из рук шефа скомканный, словно тряпка, халат.

Глава 5

— Доброе утро, дети, — поздоровалась с нами воспитательница, когда мы втроём уселись каждый за свой столик.

— Доброе утро, Илона Викторовна, — ответили мы хором, уже почти правильно и чётко выговаривая все буквы.

Чувствовалось, уж, во всяком случае, нашей воспитательнице точно, что её труды не пропадают даром. Она улыбнулась, и на её щеках появились симпатичные маленькие ямочки. Эти ямочки, пожалуй, были единственным, что немного украшало некрасивое лицо Илоны Викторовны Крупиной — старшего лейтенанта госбезопасности. Нельзя сказать, что Илона была страшненькой, но непривлекательной это уж точно. Возможно, именно поэтому у неё на пальце до сих пор не было обручального кольца, хотя, по моим прикидкам, ей было что-то около тридцати лет. Однако должен отметить, что мужчины (да и я, чего греха таить, ведь мне, как-никак, если прибавить к тридцати шести годам ещё четыре, которые я прожил уже в этом мире, было сорок лет), очень даже заглядывались на точёную фигурку и стройные ноги этой спортивного вида женщины среднего роста.

С тех пор, как мы поселились в интернате, Илона была у нас бессменной воспитательницей. Она-то и обучала нас грамоте и счёту, играла с нами в развивающие игры, загадывала загадки... В общем, очень плотно занималась нашим обра-

зованием, руководствуясь тем, что мы значительно превосходили по уровню развития всех наших среднестатистических сверстников. Если бы она знала, насколько мы с Лидочкой их превосходим, то вряд ли бы стала задавать нам такие простенькие и бесполезные задачки. Единственно для кого её обучение было полезно, так это лишь для Гришани. Если наш зазнайка день ото дня рос интеллектуально, то лично для меня такие уроки были просто пустыми и скучными.

Я уверен, что моё с Лидочкой превосходство в интеллекте и возможностях над современными людьми заключалось во-все не в том, что мы по факту были взрослыми. Дело в том, что обучение детей в нашем мире из будущего было гораздо содержательней и сложнее. Я не знаю, правда, как обучают детей в обычных школах, но если в нашей всё так примитивно и скудно, то вполне можно себе представить как там. Если хотя бы приблизительно описать процесс обучения в том мире, то можно начать с того, что там, благодаря мудрым волхвам, была восстановлена древняя буквица, состоящая не из тридцати трёх букв, как здесь, а из сорока девяти. С раннего возраста, изучая такую многомерную грамоту, ребёнок так прокачивал свой мозг, что потом ему было очень легко мыслить более высокими категориями, не плоско и тускло, а яркими объёмными образами. Да и арифметика была не такой примитивной, как в этом мире. Все эти знания и умения, полученные ещё в детстве, закладывали надёжный фундамент для будущих практик, которым обучали в подростковом воз-

расте, и которые в этом мире назвали бы магическими или, если вспомнить мою бабу Матрёну, бесовскими.

Что ещё хотелось бы сказать о нашей воспитательнице, так это то, что, несмотря на кажущуюся внешнюю простоту, на самом деле она была очень умной и наблюдательной женщиной. Видимо, именно эти и другие, не менее важные, её качества и способствовали выбору профессии и поступлению на работу в такую серьёзную организацию как КГБ. Илона Викторовна подмечала и запоминала всякую мелочь, на которую обычный человек даже не обратил бы внимания. Это значительно усложнило бы мою жизнь, если бы, постепенно подрастая, я тоже не совершенствовал свои знания этого мира и умения подражать действиям маленького ребёнка. Благо, что у нас, в нашем небольшом коллективе, был образец, который показывал мне и Лидочке, что должен уметь обычный, ну, может, и не совсем обычный, но четырёхлетний малыш. Судя по всему, в нашем негласном состязании, о котором наша воспитательница даже не догадывалась, мы с Лидочкой пока что переигрывали её в хитрости и изобретательности.

Единственным занятием, которое проводила Илона, и которое мне действительно нравилось, было чтение нам книг. У воспитательницы был очень приятный, можно сказать, завораживающий голос. Благодаря ему, слушая обычные детские сказки и былины, которые, скорее всего, не входили в обычную образовательную программу для дошкольников,

я невольно погружался в почти медитативное состояние и наяву видел образы древних былинных героев. Скорее всего, Илона знала волшебную силу своего голоса, а потому частенько ею пользовалась.

Погрузившись в свои размышления, я прослушал, о чём говорила Илона Викторовна, а она тем временем продолжала с нами разговор:

— Вы же помните, что завтра мы с вами будем встречать Новый год, поэтому сейчас давайте быстренько повторим стишки, которые мы разучили к этому празднику. Ночью придёт Дедушка Мороз и принесёт вам подарки, но если вы не расскажете ему стишок, то он вам их не отдаст.

— Он сто, задина? — спросила Лидочка, удивлённо взглянув на воспитательницу.

Я покосился на неё и мысленно поаплодировал магу за то, как он здорово вжился в роль девчонки.

— Ну почему же жадина? — принялась объяснять та. — Это такая традиция, так принято... Дедушка Мороз очень добрый, но раздаёт подарки только умным и послушным детям, а чтобы его в этом убедить, нужно рассказать ему стишок. Тогда он увидит, что вы трудолюбивые и послушные и с удовольствием даст вам подарок. Вам понятно? — Мы все втроём кивнули. — Вот и хорошо. Тогда рассказывайте свои стишки, а потом с Раисой Ивановной пойдёте на улицу лепить снеговика.

Мы радостно захлопали в ладоши, проявляя бурные эмо-

ции. На улице с самого утра валил снег, и мы то и дело с тоской поглядывали в окно, на огромные белые хлопья, бесшумно падающие во двор интерната.

— Так, кто хочет первым рассказать свой стишок? — спросила Илона и обвела нас испытующим взглядом.

Конечно же, выше и быстрее всех поднял руку Гришаня.

— Хорошо, Гриша, рассказывай первым, — удовлетворила порыв толстячка воспитательница. — Как называется твой стишок?

— Стишок называеца Дед Мовоз.

— Ну, рассказывай.

— За окном зима была, за окном пувга мела, — с воодушевлением начал Гришаня. На миг он запнулся, словно что-то вспомнив, бросил быстрый взгляд в окно, а потом улыбнулся и с энтузиазмом продолжил: — Было всё белым-бело, снег летел, и время шло... Я заснул, и вот во сне Дед Мовоз пришёл ко мне. Он поставил посошок, снял с плеча большой мешок и сказал мне: — С Новым годом! С новым счастьем, мой двужок!

Как обычно, закончив, Гришаня принял гордый вид и впросительно взглянул на Илону Викторовну.

— Ребята, — обратилась она ко мне и Лидочке, — вам понравился стишок?

— Да, — дуэтом ответили мы.

— Тогда давайте поаплодируем Грише. Он очень старался.

Лицо у Гришани во время исполнения стиха действительно покраснело от напряжения. Он ещё не мог чётко выговаривать букву «р» и злился, что она у него не очень хорошо получалась. Мы с Лидочкой изобразили бурные овации, после чего тоже, стараясь не превзойти талантами нашего зазнайку, рассказали каждый свой стих.

— Молодцы! — похвалила нас всех Илона Викторовна. — Ну, а теперь одевайтесь потеплее и идите гулять. Раиса Ивановна! — громко крикнула она. В комнату вошла наша нянечка. — Забирайте детей и ведите на улицу.

Когда уже одетые дети выходили из интерната, пропустив их, в дверь вошёл майор Поленов. Он проводил малышей пристальным, внимательным взглядом, словно желая прощупать их на предмет наличия камешка в душе, и захлопнул входную дверь. Струсив у порога снег с пальто и шапки-ушанки, Матвей Лукич обмёл веником снег с ботинок и направился в кабинет начальника специнтерната. Появление сотрудника особого отдела не вызывало ни у кого из служащих удивления, так как он являлся главным куратором этого заведения.

— Разрешите, Михаил Тимофеевич? — стукнув для приличия пару раз в дверь, Поленов, не дожидаясь ответа, вошёл в кабинет.

— А, Матвей Лукич... Проходи. — Майор Зарубин вышел из-за стола, чтобы поприветствовать коллегу.

Мужчины пожали друг другу руки. Поленов не спеша

снял пальто, повесил на вешалку, после чего водрузил туда же шапку.

— Что-то ты сегодня неважно выглядишь, — заметил Зарубин.

— Не выспался, — словно оправдываясь, ответил визитёр.

— И с чем ты сегодня пожаловал? — Михаил Тимофеевич вновь уселся за свой стол. — Ты же, вроде бы, недавно был у нас... Или случилось что?

— Случилось, Михаил Тимофеевич, случилось, — лицо Поленова стало серьёзным. — Сегодня ночью в больнице умер Беспалов.

— Иди ты... — изумился начальник интерната. — Он же молодой совсем... Отчего ж он умер?

— Отчего?.. — словно эхо, повторил сотрудник «Осот». — Вот это я и пришёл узнать.

— Не понял... Мы-то тут каким боком? — всегда красное лицо Зарубина от волнения покраснело ещё больше.

— Есть версия, что это проделки кого-то из твоих воспитанников.

Начальник специнтерната, имея на своём попечении ребят со столь необычными способностями, несколько не удивился такой постановке вопроса.

— На кого думаешь? — озабоченно поинтересовался он.

— Пока что трудно сказать. Самойлов и поручил мне в этом разобраться. Хочу поговорить с вашими работниками.

Может, они чего интересного скажут.

— Добро, — согласился Михаил Тимофеевич. — С кого начнёшь?

— Начну, пожалуй, с Крупининой. Она теснее всех взаимодействует с нашей троицей. Раиса, я видел, вывела их сейчас на улицу, когда вернётся, поговорю и с ней.

— Думаешь, что кто-то из них?

— Не исключаю такой возможности... Понимаешь, в больничку Беспалов попал как раз после посещения квартиры Петренко.

— Вот как!

— Да, представь себе.

— Так, может, это родители Витька, того... Беспалова нашего и траванули? — предположил Зарубин.

— Вряд ли. Не тот контингент, знаешь ли. Слишком они... как бы это выразиться? Простые, что ли, бесхитростные... С ними даже разговаривать не интересно — наперёд знаешь всё, что они скажут. Так что твоя версия, скорее всего, неверная. У меня тут к тебе, Михаил Тимофеевич, просьбочка будет...

— Слушаю.

— Ты бы не мог мне одолжить свой кабинетик на некоторое время или какую другую комнату, чтобы я по интернату не шлялся, а спокойно со всеми переговорил с глазу на глаз.

— Без проблем! — вставая со стула, согласился Зарубин.

— Я как раз собирался в город по делам ехать. Каждый раз

перед Новым годом какие-то проблемы возникают. Теперь вот профессор истории, будь он неладен, выбил у начальства каким-то образом разрешение попасть в наш интернат... Не сидится старику на своей кафедре...

— Чёрт, это же завтра Новый год... — вытирая лицо ладонью, словно смахивая с себя какое-то наваждение, задумчиво произнёс Поленов. — Я из-за этого происшествия с Беспаловым совсем ориентир потерял.

— Ничего, — подбодрил коллегу начальник интерната. — Глядишь, до завтра всё и прояснится.

— Хотелось бы... Только...

— Чего? — уже у самых дверей спросил Зарубин.

— Сомневаюсь я что-то, — недовольно пробурчал Матвей Лукич. — Вокруг этой троицы уже давно какая-то мусть поднимается. Два года прошло, а мы всё топчемся на месте... Так и не поняли: кто мутит и для чего?

— Ладушки. Ты тут разбирайся, а я двинул... Так ты говоришь, Крупнину позвать?..

Через пару минут в дверь постучали.

— Заходи, Илона Викторовна, — крикнул Поленов, пересаживаясь за стол начальника интерната.

— Здравствуй, Матвей Лукич, — Крупнина вошла в кабинет, и майор невольно залюбовался её фигурой. Тёмно-синий костюм с приталенным жакетом и в меру короткой юбкой изящно подчёркивали все достоинства воспитательницы.

— Здравствуй, Илона, — Поленов не улыбнулся, как обычно, а жестом указал женщине на стул.

— Чего ты сегодня такой мрачный? — спросила Крупнина, присаживаясь на указанное ей место.

— Обстоятельства так сложились, — буркнул майор. Илона Викторовна не стала больше ничего спрашивать. Она молча ждала, что скажет Поленов. — Ночью умер Беспалов, — после недолгого молчания сообщил тот.

— Как? — всплеснула руками Крупнина.

— Да вот так... Был человек и кончился.

— Несчастный случай? — предположила собеседница.

— Не совсем.

— Убийство?

— Ты мне вот что скажи, — не стал отвечать на вопрос майор. — Ты вчера в поведении детей ничего подозрительного не заметила?

— Значит, моих подозреваете? — с какой-то грустинкой в голосе спросила Илона Викторовна.

— Есть такое предположение.

— Но как? — удивилась воспитательница.

— А ты разве никогда не слышала о том, что можно убить на расстоянии?

— Да, но это же дети...

— Дети на мотоциклете, — грустно срифмовал Поленов. — Так что ты скажешь по поводу вчерашнего дня?

— В общем-то, ничего особенного, — наморщила лоб

Крупинина. — День прошёл как обычно, снежинки вырезали... Только...

— Что? — встрепенулся Поленов.

— К нам заходили Истел и Фира.

— Что они хотели?

— Да ничего и не хотели... У нас же перед Новым годом занятия отменили, каникулы сделали, вот дети и шатаются, от нечего делать. Посидели, пообщались... Правда, Истел умудрился о бумажную снежинку порезаться так, что кровь пошла.

— Это как?

— Лидочка вырезала снежинки с очень острыми лепестками. Я, конечно, потом специально проверяла ту снежинку, но даже уколоться не получилось — обычная бумага.

— Вообще бумагой вполне можно порезаться. Я сам как-то палец разрезал и даже не заметил...

Поленов ещё минут десять беседовал с воспитательницей, но больше ничего существенного не узнал. Затем майору всё же пришлось пройти по комнатам, чтобы пригласить на собеседование других, присутствующих в интернате, наставников. Он побеседовал даже с поварихой, но никто из опрошенных ничего необычного в поведении детей не заметил. Поленов мельком взглянул на часы. Время бежит, а дело не продвинулось ни на йоту. Услышав детский гомон, он выглянул в коридор. Раиса Ивановна в спешке заводила своих питомцев в их комнату. Майор уже собирался закрыть дверь

кабинета, как вдруг его окликнули. Повернув голову налево, он увидел Серёжу Галсанова.

— Что тебе, Серёжа? — увидев мальчишку, насколько мог дружелюбно спросил майор. Он подошёл к сверкающему лысиной маленькому буддисту и присел на корточки.

— Я вам хочу открыть тайну, — тихо проговорил тот, оглядываясь по сторонам.

— Я слушаю тебя.

— Дело в том, — деловито произнёс девятилетний мальчишка, — что Истел не такой.

— В каком смысле, не такой? — переходя почти на шёпот, спросил Поленов.

— Я не могу это объяснить, — засмутился Сергей. — Не такой и всё.

— У нас здесь, Серёжа, все немного не такие, — грустно улыбнулся майор. Он поднялся и по-дружески хлопнул мальчишку по плечу. — У нас все здесь особенные.

Проводив Сергея невесёлым взглядом, Поленов тяжело вздохнул и, застегнув пальто, вышел из интерната.

Глава 6

Лидочка вместе с мальчишками с удовольствием скатывала из маленьких снежных лепёшек большие тяжёлые шары. Они уже с полчаса под руководством Раисы Ивановны пытались слепить снежную бабу. Изрядно выкачавшись в мокром снегу и промочив свои варежки и одежду, их троица, наконец, скатала последний, самый маленький, ком, который нянечка легко водрузила на два других чуть побольше. Ещё несколько дней назад это бессмысленное и бесполезное занятие показалось бы Лидочке нудным и глупым, но сегодня она, словно настоящий ребёнок, веселилась вместе со своими сверстниками, падая в сугробы и набирая полные варежки снега. После разговора с Краком она чувствовала, как раз за разом в её организм вбрасываются гормоны счастья, а потому хорошее настроение не покидало её.

«Как здорово, что Крак мальчишка, и у нас может получится неплохой тандем, — думала она, в очередной раз вылезая из сугроба и терпеливо дожидаясь, пока Раиса Ивановна струсит прилипший к одежде снег. — Но для обретения собственной, более мощной силы, думаю, нужно всё же продолжать собирать гаввах³. Ещё ведь не известно, как мой

³ Жизненная энергия живого существа, которая высвобождается во время его смерти. Слово «гаввах» пошло от древних ритуалов-жертвоприношений, когда животное (а то и человека) убивали с максимальным причинением ему страда-

земляк поведёт себя. Захочет ли объединить наши инь и янь энергии, чтобы стать единым целым, своего рода, двуполым существом, какими мы были на своей планете. Эх, только бы у нас всё получилось, как мне этого хочется... А пока... Что ж, пока у меня из девяти необходимых имеются всего лишь две жертвы: неудачник-вор, для которого я немножко усилила воздействие яда змеи, да подонок и хлыщ Беспалов. Этот праведник Витюша, — Лидочка тайком бросила взгляд на своего товарища по детскому саду, — хотел его лишь пугнуть, чтобы отвадить от своих родителей, но меня-то такой вариант не устраивает, — девчонка еле заметно скривила губы в злорадной ухмылке. — Пришлось вот и здесь чуток усилить эффект от его воздействия так, чтобы отправить этого самоуверенного летёху, как говорят земляне, к праотцам. Жаль, что этого старикашку—профессора с козлиной бородкой Витька сам доконал. Эх, кабы знать раньше его замысел, у меня уже было бы три жертвоприношения великому змею Апофису⁴».

— Вы ещё долго будете здесь развлекаться? — оборвал размышления Лидочки голос одного из охранников, который, громко и неустанно шкрябая по асфальту деревянной лопатой, очищал территорию, прилегающую к интернату, от снега.

ния.

⁴ В египетской мифологии огромный змей, олицетворяющий мрак и зло, изначальная сила, олицетворяющая Хаос, извечный враг бога солнца Ра.

— Нет, — весело ответила Раиса Ивановна, у которой тоже поднялось настроение. — Сейчас уже будем заходить. Дети, — громко скомандовала она, — быстренько заканчиваем и идём в помещение. Дяде Серёже здесь тоже нужно навести порядок.

В это время раздался сигнал машины, и второй охранник, сидевший в караулке, выскочил на улицу и открыл ворота. Все заинтересованно повернули головы в ту сторону. Во двор въехал новенький «Москвич — 408», модель, которая ещё только в прошлом году поступила в продажу. За рулём сидел начальник интерната Зарубин, а рядом с ним какой-то незнакомый мужчина лет шестидесяти. Увидев постороннего, нянечка, видимо, выполняя указания, данные ей относительно таких ситуаций, заторопилась и, не дав детям толком привести снеговика в надлежащий вид, быстренько увела их внутрь здания.

Зарубин вырулил на очищенную от снега стоянку и первым вышел из автомобиля. Дождавшись, когда его спутник тоже выйдет из машины, он рукой указал в сторону интерната и сказал:

— Вот это, Антон Петрович, и есть моё хозяйство. Пройдёмте, пожалуйста.

Незнакомый мужчина почтительно кивнул, и они неспешно направились по дорожке к входу в здание.

Антон Петрович Кривцов являлся профессором на кафедре археологии Московского государственного универси-

тета. Среднего роста, в меру полноватый, одетый в пальто и каракулевую шапку, из-под которой смотрели ясные серые глаза, он больше походил на члена правительства, нежели на служащего из университета. Продвигаясь вдоль насыпанных, словно брустверы, по краям дорожки снежных куч, профессор с любопытством оглядывал всё вокруг. И его любопытство было вполне оправданным, так как он являлся одним из немногочисленных граждан Советского Союза, получивших разрешение посетить это секретное заведение. Конечно, во многом это была заслуга его хорошего знакомого Игната Самойлова, работавшего в секретном отделе КГБ. Если бы не он, то Кривцов никогда бы даже и не услышал о таком феномене как перемещение во времени и о том, что есть мальчик, попавший в это время из прошлого века.

Однако знакомство знакомством, но перед тем как привезти сюда, с профессором провели серьёзную беседу в одном из кабинетов на Лубянке, да ещё и взяли с него подписку о неразглашении государственной тайны. Выходя весь в поту от волнения из здания КГБ, Кривцов уже подумывал, а не отказаться ли от этой поездки. Однако желание увидеться и поговорить с очевидцем событий прошлого столетия перебороло все его сомнения и страх. Преодолевая на самолёте расстояние от Москвы до Зарецка, он прекрасно понимал, почему секретный объект находится не в самой столице, а в небольшом лесочке, в окрестностях ничем не примечательного рабочего города. Прикинув в уме все за и против, Крив-

цов пришёл к выводу, что это было вполне здоровое решение. Шпионов хватало во все времена, и сохранить государственную тайну в огромном многолюдном городе, в то время когда социалистическое государство уже много лет находится в состоянии холодной войны с Америкой, было куда сложнее, чем здесь.

Войдя внутрь интерната, он заметил в конце коридора, беседовавших о чём-то мужчину и женщину. Увидев незнакомого человека, мужчина с хмурым выражением лица тут же распрощался с собеседницей и, по пути пожав руку Зарубину, молча вышел на улицу. Профессор снял шапку, пригладил редкие седые волосы и, расстегнув пальто, вопросительно взглянул на майора.

— Пройдёмте в комнату для посетителей, — сказал тот, указывая на одну из дверей. — Там вам будет удобно беседовать, а также там есть вешалка, и можно будет раздеться. У нас здесь хорошо топят, — улыбнулся майор.

— Да-да, дети... — понимающе кивнул профессор.

Комната для посетителей не представляла из себя ничего особенного. Обстановка была довольно скромной: кожаный диван, несколько деревянных стульев, стол и небольшое овальное зеркало на стене. Однако, несмотря на аскетичность, помещение казалось очень даже уютным. Возможно, этому способствовали несколько репродукций картин, которые, кроме привычного портрета вождя, украшали интерьер, а быть может, домашний уют создавали голубенькие

шторы, волнами свисающие по краям небольшого зарешёченного окна. В гостевой комнате было не просто тепло, а жарко, поэтому, чтобы не вспотеть (в его возрасте это ни к чему хорошему не приведёт), Кривцов поторопился снять пальто.

— Присаживайтесь, где вам будет удобно, — сказал Зарубин, — а я схожу, посмотрю, что делает наш Порфирий.

Не прошло и пяти минут, как начальник интерната вернулся, ведя за руку крепенького мальчишку лет семи. Его непривычно длинные волосы, достигающие плеч, были настолько черны, что лицо казалось неестественно бледным. Увидев парнишку, Кривцов был немного разочарован. Он-то уже напредставлял в своей голове, что увидит невесть кого, а здесь перед ним предстал, судя по походке и по выражению лица, какой-то затурканный колхозный ребёнок. Если бы не эта белизна кожи, больше присущая аристократам, то профессор мог бы поклясться чем угодно, что мальчишка далеко не дворянского происхождения.

— Вот, знакомьтесь, — бодрым голосом, видимо, чтобы поддержать своего питомца, сказал Зарубин, — это наш Порфирий Поликарпович Демидов. — Кривцов удивлённо приподнял брови, услышав знакомую фамилию. — А это, — майор обращался теперь к мальчишке, — профессор исторических наук Антон Петрович Кривцов. Ну, Фира, поздоровайся с нашим гостем.

— Здравствуйте, — негромко произнёс Порфирий и ис-

подлобья взглянул на профессора.

— Здравствуй, — ответил Антон Петрович и протянул мальчику руку.

Тот покосился на начальника интерната и, получив разрешение кивком головы, тоже протянул вперёд свою ладошку. Аккуратно пожав Фире его маленькую ручку, профессор улыбнулся, стараясь расположить к себе предстоящего собеседника, и сказал:

— Я приехал из Москвы и хотел бы задать тебе несколько вопросов... Ты не против, если мы с тобой немного побеседуем?

Мальчишка вновь взглянул на майора и отрицательно помахал головой.

— Ну, вы располагайтесь здесь, как вам будет удобно, а я присяду в сторонке, чтобы вам не мешать, — вклинился в разговор Зарубин. — Вы уж извините, Антон Петрович, но вести беседу вам разрешено только в моём присутствии.

— Что вы, что вы, — залепетал Кривцов. — Конечно... Я всё понимаю...

— Вот и хорошо. Фира, — обратился майор к мальчишке, — ты где хочешь присесть?

Тот сначала равнодушно пожал плечами, но, подумав, залез на диван и уселся на самом краю, свесив свои короткие ножки. Внимание профессора привлекли тёплые, ручной вязки носки красного цвета. Несколько секунд он молча пялился на ступни Порфирия, а потом решительно взял

один из стульев, стоявших у стены, и сел напротив мальчишки. Майор же, не обращая ни на кого внимания, уселся возле стола, на котором лежали газеты. Он взял первую попавшуюся, развернул и сделал вид, что углубился в чтение. Некоторое время в комнате царило молчание, мальчишка и пожилой мужчина, годившийся ему в дедушки, с любопытством рассматривали друг друга. Профессор смотрел прямо и открыто, соображая, с чего начать разговор, а Порфирий лишь время от времени, поднимая глаза и бросая немного робкий взгляд на незнакомого ему человека.

— Скажи, Фира, — наконец, заговорил Антон Петрович, — а ты случайно не родственник заводчиков Демидовых?

— Нет, — замотал головой мальчишка.

— А кто твои родители?

— Тятя был управляющим на постоялом дворе, маменька... — Порфирий запнулся, видимо, соображая как охарактеризовать занятие родительницы. — Маменька воспитывала нас, — наконец вымолвил он.

— А сколько вас было, много?

— Девять душ.

Теперь задумался профессор, соображая, как дальше строить беседу.

— А из какого ты города?

— Из Перми.

— Вот как! — искренне удивился профессор и недоверчиво взглянул на мальчишку. Он почему-то вдруг усомнил-

ся в искренности собеседника. Говор у того, конечно, был необычный, но что больше всего смущало Кривцова, так это фамилия Демидов. Для него всё, что было связано с этой фамилией, тут же вызывало ассоциацию со знаменитой уральской династией. Он ведь многое знал об этой семье. Знал, например, что Акинфий Никитич Демидов, можно сказать, основоположник металлургического производства на Урале, один из своих главных заводов построил в городе Нижний Тагил, а от него-то всего около четырёх часов езды до Перми. Случайно ли то, что мальчишка является однофамильцем? Не врёт ли он, открещиваясь от родства с теми самыми Демидовыми? — А сколько тебе лет? — решил пока что сменить тему Антон Петрович.

— Семь с половиной.

— А скажи... — Кривцов немного помедлил, прежде чем задать самый волнующий его вопрос, — из какого года ты к нам сюда попал?

Мальчишка взглянул на начальника интерната, но увидев, что тот увлечён чтением, ответил:

— Осенью тысяча восемьсот сорок четвёртого года.

Назвав дату, Порфирий засмутился и опустил взгляд в пол. Видимо, этот вопрос ему задавали уже не один раз, и так же, как сейчас вот у этого профессора, в глазах тех, кто вёл с ним беседу, обычно отражалось недоверие.

— Это, если мне не изменяет память, в то время на престоле был царь Александр? — задал провокационный вопрос

профессор. Если этот малец действительно аферист, то он вряд ли выучил всю родословную русских царей.

— Не-е-е, — уверенно возразил Порфирий, вскинув голову, — у нас тогда батюшка император Николай Первый царствовал. Александр Первый был до него.

— Да-да, ты прав... Что-то я напутал... Конечно же, Николай... — профессор в который раз пристально посмотрел на своего собеседника. Несмотря на то, что очень даже компетентные товарищи уверяли, а теперь и сам Порфирий подтвердил, что прибыл в наше время из прошлого века, тем не менее, его консервативно-атеистическое сознание всё же отказывалось в это верить. Казалось, что всё это какой-то немыслимый, дурацкий розыгрыш, который по известной только ей причине затеяла служба безопасности страны. Подсунули обычного мальчишку, заставили выучить даты, объяснили как себя вести, поставили задачу... Может, у них так готовят разведчиков, начиная подготовку с самого раннего детства? Чтобы немного прояснить ситуацию и постараться убедиться в натуралистичности происходящего, Антон Петрович спросил:

— Порфирий, а ты можешь рассказать, как так произошло... То есть я хочу спросить, каким образом ты сюда попал?

Мальчишка пожал плечами.

— Я не знаю... Лето выдалось тяжким. Голод был. Сначала случился пожар.

— Да-да, — подхватил профессор. — В этом году действительно по всей России, да и за границей тоже, были пожары.

— Ну да, — подтвердил маленький собеседник. — Опосля пожара грязь с неба полилась...

— Какая грязь, — в очередной раз удивился Кривцов. Порфирий вновь пожал плечами.

— Я не знаю... Токмо затопило всех, кто в низинах жил. У кого подпол был — схоронило как и не было, а то и полдома грязью залило.

— Погоди, погоди, — видно было, что профессор доверяет мальчишке ещё меньше, чем раньше. — Про пожары я знаю, но откуда грязь-то взялась?

— Ясное дело, откуда, — буркнул маленький собеседник, — Фата ведь с неба ухнула.

— Что ухнуло? — не понял Кривцов.

— Ну, Фата, — повторил Порфирий.

— Извини, я не понимаю, — засмутился Антон Петрович. — Что такое Фата?

— Ну, месяц Фата.

— Постой, — вдруг посерьёзней профессор. Его мозги уже потихоньку закипали и вовсе не по причине жары в комнате. — Ты, наверно, имеешь в виду Луну?

— Та нет же, — было заметно, что мальчишку начала раздражала такая тупость и непонятливость учёного мужа. — Луна, это месяц, который остался, а Фата, я же говорю, ух-

нула на Землю. Её куски начали падать на город. Начался сильный пожар, а за ним паводок...

— Тут ты Порфирий ошибаешься, — услышав весь этот антинаучный вздор, произнёс Кривцов и снисходительно улыбнулся. — У нас никогда не было двух месяцев.

— Тятка мне сказывал, — от волнения у Порфирия начали проскакивать уже не применяемые в этом времени слова, — что у нас кадысь было три месяца.

— Бред какой-то, — громко прошептал профессор, вконец разочаровавшись в своём собеседнике и жалея о потраченном времени, которое он мог бы в эти предновогодние дни провести куда с большей пользой. А теперь вот, преодолев столько препятствий и натерпевшись столько страха, ему приходится слушать всю эту ахинею, которую несёт этот несмышлёныш.

— А ведь в этом что-то есть, — вдруг из-за газеты подал голос Зарубин.

— Что вы имеете в виду? — спросил Антон Петрович, переводя возмущённый взгляд на передовицу «Правды».

— Вот смотрите, — майор сложил газету и бросил её на стол. — Название погибшего спутника Земли, как говорит Порфирий — Фата. Возможно, отсюда и произошло слово «фатальный». Фатальный исход, например. То есть что-то, что закончилось трагически... Слово-то не такое древнее.

— Ну, знаете, — возмутился Кривцов, — так можно любое слово перевернуть с ног на голову и объяснить то, что

ни в какие ворота, извините, не лезет. Я, уважаемый Михаил Трофимович, занимаюсь историей, а не лингвистикой, но даже я знаю, что слово «фатальный» произошло от латинского «фатум» — рок, судьба.

— Но можно же допустить как версию, что слово всё-таки имеет русское происхождение?

— Нет, нельзя! За сорок с лишним лет, которые я посвятил изучению исторической науки, я пока что ни в одной заслуживающей уважения книге или манускрипте не встречал, чтобы у Земли было три спутника!

— Может, плохо искали, — ухмыльнулся майор.

— Вы забываете, что я профессор исторических наук.

— А скажите, — в отличие от Кривцова голос майора звучал как обычно ровно и спокойно, — вы в какой-нибудь заслуживающей уважения книге читали, чтобы человек мог переместиться из прошлого в будущее?

— Но... ну... — Антон Петрович, наверное, впервые не смог найти подходящих аргументов, чтобы опровергнуть слова Зарубина. Всю свою жизнь Антон Петрович посвятил упорядочению и доказательству существующих исторических фактов, которые дошли до наших дней благодаря сохранившимся летописям, книгам и археологическим находкам. Он рылся в архивах, участвовал во многих археологических экспедициях... Уже получив свою учёную степень, прикладывал немало сил и таланта, чтобы вести непримиримую борьбу с недалёкими по содержанию теориями все-

возможных выскочков от истории, которые, по его мнению, желали сделать себе быструю карьеру на найденном невзначай артефакте, не стоящего и выеденного яйца, и произвести фурор на пустом месте. Вот и теперь ему предстояло сделать выбор: либо принять то, что говорит этот сопливый, ещё неизвестно откуда сюда попавший мальчишка, и тем самым весь труд своей жизни пустить псу под хвост, либо деликатно отказаться от дальнейшей беседы и остаться, как говорится, при своих интересах. Весь азарт и задор, с которыми Кривцов вошёл в здание интерната, вдруг растаяли, словно ночное наваждение. — Что ж, — после долгой паузы, во время которой майор и Порфирий молча смотрели на него, произнёс профессор, — было очень интересно с вами, молодой человек, побеседовать. Пожалуй, я удовлетворил своё любопытство, и теперь позвольте откланяться.

Антон Петрович решительно поднялся и направился к вешалке.

— Как, вы уже уходите? — удивился Зарубин.

— Да, знаете ли... — не оборачиваясь, ответил профессор, натягивая пальто. — Пожалуй, я пойду.

— Ну что ж, дело ваше, — не стал возражать майор. — Фира, иди, малыш, к себе в комнату, — добавил он, обращаясь к мальчишке.

Тот послушно слез с дивана и, не попрощавшись, удалился.

— Что ж вы так? — улыбнулся Михаил Трофимович. —

Столько времени добивались встречи с Порфирием, и так вот вдруг — до свиданья...

— Потерял интерес, — буркнул профессор, не поднимая глаз. — Бывает...

«Хорошо, — размышлял он, снова снимая пальто, так как в спешке забыл вытащить из рукава шарф, — допустим, нет, только ДОПУСТИМ, что я поверю этому мальчишке. Ну где, скажите, и кому я смогу рассказать весь этот бред, который он мне здесь поведал? Своей супруге на кухне? Это, пожалуй, самый перспективный вариант. Да заикнись я о том, что в прошлом веке на Землю упала какая-то Фата, мои коллеги, в лучшем случае, подумают, что это какая-то блажь, выдумки выжившего из ума старикашки, в худшем же — высмеют и с треском и позором выпрут из университета на пенсию».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.